

ВВЕДЕНИЕ

Новое время как исторический период приходится в основном на XIX век. Хотя среди специалистов бывают споры по поводу его датировки, в рамках данного издания все вполне логично. Великая французская революция, в результате которой произошла радикальная смена правящих элит и всего строя в крупнейшей стране Западной Европы, открыла дорогу для господства нового строя практически во всем западном мире. Конечно, буржуазная либеральная демократия началась не с этой революции. Большой вклад в формирование буржуазной структуры — прямой наследницы античности — внесли многие из тех событий, о которых шла речь в предыдущем третьем томе, начиная с итальянского Возрождения и кончая радикальными новациями в Англии в XVII столетии или победоносной войной за независимость в США. Все эти события были немалым вкладом в процесс ускорения эволюции. Однако, ничуть не принижая этот вклад, все же стоит заметить, что революция во Франции в конце XVIII в. явилась именно тем заключительным аккордом, который поставил точку на упомянутом процессе.

С самого начала нового века все страны Запада вступили в эпоху господства буржуазных рыночно-частнособственнических отношений и сразу сумели включить на полную мощность буржуазный фактор эволюции. Как говорилось в третьем томе, именно этот фактор, и только он, обеспечивал ускоренные темпы роста промышленности. А производственный рост в этой основной сфере экономики вел к энергичному процветанию. В частности, именно он способствовал процессу радикальных преобразований в различных сферах жизни общества. Но этот процесс не был ни слишком быстрым, ни тем более равномерным. Для многих стран Запада, особенно для тех, кто на окраинах Европы заметно отставал, темп преобразований был медленным. Тем более это характерно для мира вне Запада, как колониального, так и еще свободного от серьезного иноземного влияния, где упомянутый

процесс был на первых порах (имеется в виду начало XIX в.) слабо заметен, если протекал вообще.

Иными словами, говоря о пришедшем на смену средневековой новом времени и вкладывая в это понятие прежде всего господство принципиально новой буржуазной структуры, необходимо с самого начала пояснить, что речь идет лишь о странах Запада. Правда, в какой-то степени ситуация, связанная с событиями в отдельных западных странах, как, например, в Испании, коснулась и тех стран (имеется в виду Латинская Америка), которые в связи с резкими переменами в метрополии в ходе наполеоновских войн получили относительную свободу и сумели ею воспользоваться. Но это следует расценивать лишь как исключение. В принципе речь идет именно о западном мире, включая США, как о чем-то цельном, в структурном плане едином и потому, пусть кое-где не сразу, вступившем уже в начале XIX в. на путь радикальной буржуазной трансформации. Это вовсе не означает, что нигде, и особенно во Франции с ее наиболее радикальными переменами, не было попыток какой-либо реверсии. Тем не менее западный мир вошел в XIX столетие уже определившись и не мог не замечать собственной буржуазии и ее интересов, как это случалось прежде то в Испании, то во Франции, то еще где-либо. И здесь важно напомнить, что именно сыграло при этом свою наиболее значимую роль.

Во-первых, это великая роль античности, начиная с полисов Греции с их рыночно-частнособственнической структурой и, как правило, развитыми демократическими институтами и процедурами, включая свободу граждан, выборность, избираемость и отчетность чиновников-магистратов перед народными собраниями, обязанность выборной и переизбираемой власти заботиться о гарантиях, правах и привилегиях граждан. Объектом особой заботы избранной власти было процветание частной собственности и предпринимательской — протобуржуазной — деятельности. Все такого рода идеи, институты и процедуры оказали со временем огромное воздействие на формирование западного образа жизни и форм западной социальной, политической и экономической организации.

Во-вторых, это весьма удачно сложившееся для части античного мира в момент острого кризиса и крушения Западной Римской империи стечение обстоятельств. Все успехи в эволюции западноевропейских стран были результатом того особого пути, по которому пошла Западная Европа после появления на ее политической карте ряда пришедших сюда из восточных земель кочевых либо полукочевых варварских народов. Эти новопоселенцы, принесшие Риму немало страданий, были в конечном счете радикально преобразованы в ходе важных параллельных процессов — оседания и отказа от жестоких нравов

воинственных кочевых этнических общностей, трибализации и возникновения ранней государственности без солидной инфраструктуры и развитой централизованной администрации, что вызвало к жизни феномен феодализма, а также аккультурации варваров под влиянием многочисленных римских колоний и христианизации. В итоге в городах Западной Европы, по большей части свободных от произвола феодалов, складывались отношения, близкие к тем, что возникали некогда в ранних греческих полисах. Имеется в виду прежде всего прямо производная от протобуржуазной предбуржуазная рыночно-частнособственническая и торгово-финансовая предпринимательская деятельность горожан-буржуа (бюргеров).

В-третьих, это принципиально новые идеи, которые, начиная с эпохи Возрождения и кончая веком Просвещения, постепенно преодолевали закосневшую в средневековой схоластике и догматике церковную богословскую идеологию, почти абсолютно господствовавшую многие века. Новые идеи, очень разные, проявили себя в самых различных направлениях интеллектуального тезауруса западноевропейских городов и горожан. Города, развитые и богатые благодаря активной и успешной деятельности предбуржуазии и становившейся на ноги полноценной буржуазии в наиболее передовых регионах Западной Европы, прежде всего в североитальянской Ломбардии, охотно воспринимали новые веяния, особенно в сфере мысли и чувства. Это была великолепная светская литература, как проза, которая по уровню художественных достоинств намного превышала распространенные до того рыцарские романы, так и впечатляющая поэзия. Это были освободившиеся от жестких оков церковной догмы живопись, скульптура, архитектура, театр. Это была, наконец, и настоящая, насыщенная серьезными экспериментами современная наука, прежде всего естествознание, делавшее свои первые, но очень серьезные шаги. Наконец, нельзя не принять во внимание труды идеологов века Просвещения с их призывами к свободе, правам человека, равенству сословий, справедливости, новым принципам организации власти и т.п.

Все эти институциональные и интеллектуальные новации за немногие века переходного периода (XVI—XVIII столетия) резко изменили духовно-интеллектуальный уровень Запада и подготовили его к радикальным переменам. Перемены сводились прежде всего к тому, что буржуазия как передовой и наиболее активный в производственном отношении слой населения западноевропейских городов, а позже отчасти и сельской местности, вышла на авансцену не только экономической, но также политической и социальной жизни. Сначала это стало заметным лишь в нескольких наиболее продвинутых в упомянутом плане странах, прежде всего в Голландии и Англии, но позже на-

чало становиться нормой, к достижению которой тянулись все, кому это было под силу. Интересы буржуазии понемногу стали восприниматься как национальные интересы, причем открытие Нового Света и немалые успехи в колониальном освоении стран традиционного Востока обретали в складывавшихся условиях необычайно важную роль.

Но и это далеко не все. Переход Запада к принципиально новому периоду интенсивной эволюции с тенденцией к постоянному ускорению ее темпов (что было стремлением буржуазии и результатом ее впечатляющих успехов, с особой силой проявившихся в ходе Французской революции) очень многим обязан именно ей, революции. К сожалению, революция сопровождалась кровавым террором якобинцев и бесчинствами разъяренной толпы, но **нельзя не признать — помимо прочих ее несомненных достижений — очищающую роль успешной полноценной буржуазной революции. Она в том, что революционный взрыв открыл широкий путь прежде всего именно буржуазии.** Здесь важно обратить внимание на то, что в процессе самой революции ни буржуа, ни даже их идеологи откровенно не доминировали. Больше того, те, кто задавал тон и был виновником террора, т.е. якобинцы, стремились лишь к уничтожению «врагов народа», в качестве каковых рассматривались прежде всего представители правивших страной верхов, т.е. аристократы, феодалы. Если бы их (якобинцев) спросили, за кого они, то едва ли не все из них ответили бы так же, как Марат в своей газете «Друг народа»: за народ. Но если обратиться к бесстрастной статистике, то выяснится, что среди жертв террора аристократов, которые считались главными «врагами народа», было чуть меньше 10 процентов. Все остальные жертвы были чаще всего теми, кто не успел определиться, не желал принять все эксцессы революции, или принадлежали к числу крестьян, недовольных преследованием священников (что характерно для Вандеи), а то и просто безвинными людьми, случайно попавшимися под горячую руку.

При всем том именно **Французская буржуазная** (это определение относится и к месту буржуа как составной части, и естественного лидера всего третьего сословия в жизни Франции, и к роли буржуазного фактора в ускорении темпов эволюции) **революция определила быстрое движение вперед всего Запада.** Правда, реально произошло это уже после завершения революции и во многом благодаря наполеоновским войнам, которые распространили ее завоевания почти на всю континентальную Европу. И хотя целью Наполеона было не это, во всяком случае не это прежде всего, к чести великого полководца и любимого французами императора следует сказать, что объективно его войны, исключая разве что поход в Россию и неудачи в Испании,

несли с собой вполне определенную тенденцию, а именно — превращение тех государств, которые еще не преуспели в деле трансформации в буржуазные, стать именно таковыми. При этом нельзя сбрасывать со счетов то влияние, которое оказывали революционные лозунги и дух свободы, распространявшиеся из Франции в годы революции. Эти веяния доходили до далекой России, оказывали воздействие на ирландцев и испанцев и вообще многое сделали для буржуазных преобразований во всей Европе. Более того, они сыграли свою роль в обретении свободы теми странами, вроде Греции и государств Латинской Америки, которые на нее без революции и Наполеона едва ли могли бы рассчитывать.

Переход основных стран Запада к эпохе господства буржуазии отнюдь не означал, что тем самым были созданы объективные условия для большего взаимопонимания и тем более сближения политических интересов и позиций разных европейских государств. Скорее напротив, на смену феодальным и тем более рыцарским войнам пришли новые, не менее частые и серьезные, с более крупными и кровопролитными сражениями. Это обуславливалось рядом важных причин, основной из которых была экономическая конкуренция между разными странами, в первую очередь между Францией и Англией. По-прежнему большую роль играли политические интересы европейских государств, включая стремление более крупных из них поглотить другие. Важно также принять во внимание еще одно весьма существенное соображение, которое, в частности, побуждает несколько изменить форму подачи и анализа материала.

Дело в том, что с самого начала XIX в. сложилась некая система общеевропейских интересов, сводившаяся, с одной стороны, к стремлению сохранить установившийся ранее политический баланс, с другой — к попыткам некоторых резко усилившихся стран этот баланс изменить в свою пользу. Давно ушли в прошлое времена, когда солидные куски территории уходили в качестве своеобразного «приданого» из одной страны в другую при заключении многочисленных так называемых «династических» браков. Теперь союзы такого рода уже не сопровождалась земельным переделом. Попытки же передела сохранялись, но зависели почти исключительно лишь от реального соотношения сил, прежде всего от военной мощи, но иногда и от политико-дипломатического мастерства. Естественно, что частые стремления подобного рода вынуждают сделать более очевидный акцент на международные отношения. С XIX в. эти отношения выходят на передний план, превращая сначала Европу, а затем понемногу и весь мир в глобальную зону войн, перераспределения влияния, коалиций и разделения на противостоявшие друг другу по различным поводам группы

стран (в СССР пользовались при этом весьма зловеще ныне звучащим термином «лагеря»). Новое время в этом смысле оказалось действительно новым и в политике, хотя главной его «новизной» были, конечно, решающие и очень быстрые сдвиги в экономике, социальных отношениях, науке, культуре и во всем образе жизни прежде всего западных стран, а частично и всего остального мира.

Новое время стало новым, и это стоит повторить, в первую очередь благодаря тому, что пришло в континентальную Европу вместе с революцией и наполеоновскими войнами. Речь идет о влиянии Французской революции и о создании в большинстве завоеванных Наполеоном государств необходимых условий, которые способствовали ускоренной ликвидации феодальных привилегий и повинностей и обузданию правящей элиты с помощью конституционных норм. Этот важнейший процесс затронул почти все страны Европы. Несмотря на отчаянное сопротивление реакции, он выдвинул на авансцену истории свободную от оков и притеснений буржуазию, что было особенно заметно в тех странах, которые по ряду причин развивались до этого весьма медленными темпами. Выход на передний план буржуазии ускорил промышленные преобразования, которые в отечественном обществоведении часто именуют «промышленным переворотом».

Здесь важно сделать нужное исправление. Суть его в том, что именовать процесс, о котором идет речь, следует иначе. Ведь те технические преобразования, которые позволили создавать принципиально новое производство, появились не сами по себе. **Преобразования в сфере промышленного производства, как и новации в технике и технологии, способствовавшие им, были результатом деятельности получившей свободу действий буржуазии. Только после обретения такой свободы и тесно связанных с ней прав, гарантий и даже привилегий буржуазия смогла включить в полную мощь свой принципиально новый фактор эволюции,** что вначале, причем довольно долго, наблюдалось главным образом только в Англии. Как раз это и обеспечило бурное развитие в этой стране фабрично-заводской промышленности, использовавшей все новейшие достижения науки и техники, равно как и изобретения англичан. Как известно, именно из Англии континентальная Европа начала заимствовать важнейшие технические достижения и использовать в производстве различные механизмы и машины. Конечно, все важнейшие научные открытия делались не только в этой стране, они могли быть и в других странах Запада. Но внедрение этих открытий в промышленное производство, их активное использование было делом буржуазии, которая стала господствующей силой прежде всего в Англии.

В континентальной Европе буржуазия заняла положение, подобное английской, лишь во Франции в результате великой революции. После этого наполеоновские войны, как упоминалось, распространили принцип гражданских прав и антично-буржуазных свобод во всех тех странах, куда приходила французская революционная армия. Это стало толчком, предопределившим выход буржуазии на авансцену истории, и только вслед за этим, благодаря уму и энергии буржуазии, отражая ее интересы, возникло то, что привычно именуют «промышленным переворотом». **Поэтому следует говорить не о «промышленном перевороте», а о буржуазном перевороте в экономике, о буржуазном факторе эволюции со свойственными ему резко ускоряющимися темпами промышленного развития. Именно это и следует считать главным, что отличает (речь лишь о Западе) новое время. А для Востока это время наступило после промышленного освоения развитыми буржуазными странами колоний в государствах, поставленных в зависимость от этих стран. Не миновали процесс буржуазных преобразований и немногие из восточных государств, сохранившие политическую независимость.**

И последнее. Новое время условно охватывает в рамках данного издания XIX век. Это не слишком много, но, учитывая ускорение шагов истории, необходимо принять во внимание различия между ними в пределах века, особенно для европейского Запада, где происходили наиболее важные события. Поэтому для удобства изложения материала и событий в Западной Европе (это две первые части тома) целесообразно разделить век на две части примерно посередине. Первую часть периода можно обозначить как время завершения трансформации западных буржуазных обществ, а вторую — как этап полного господства уже трансформировавшихся этих же обществ.